

Коммунар

Парк и его люди

...Въезжаем в старую часть Переславля через бывшие южные ворота, прорезанные в оборонительном валу. Справа, в густой зелени предстаёт взору опрятный двухэтажный особняк, построенный ещё в начале века переславским купцом и фабрикантом Варенцовым. В этом здании, выкрашенном в жёлтый, белый и кремовый цвета, с неширокими окнами, размещается дирекция Переславского государственного природно-исторического национального парка.

После однообразных домов деревенского типа с подворьями, заполненными строительными материалами, поленицами дров, заросшими сорной травой, которые встречают въезжающего в Переславль с юга, сам особняк и усадьба, на которой он расположен, выглядит весьма привлекательно. Ухоженные декоративные кусты, деревья, цветы. Ажурная железная ограда... Красиво!

Эта красота и ухоженность — предмет особых забот здешних сотрудников. Мелочь, пустяк?.. Отнюдь! Этот особняк на Советской, 41, как бы являет собой пример, каким городу быть: чистым, опрятным, таким, чтобы улицы, переулки, площади, утопая в зелени и цветах, ласкали взор живущих в них и приезжих. Что греха таить — пока ещё до этого далеко.

Пять лет назад появился в наших залесских краях национальный парк. Говоря официальным языком федерального закона, — это природоохранное, эколого-просветительское и научно-исследовательское учреждение, территория которого включает в себя природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, историческую и эстетическую ценности и которые предназначены для использования в природоохранных, просветительских, научных и культурных целях и для регулируемого туризма.

В этих сухих строчках заложено всё многообразие задач, которые решает национальный парк, и проблем, которыми занимается его немногочисленный штат. О них, этих людях, посвятивших себя служению природе, её охране, высококвалифицированных специалистах различных направлений, хочется рассказать в серии очерков. Конечно, надо было бы начать с директора Юрия Алексеевича Чаплина — специалиста с глубокими знаниями в области сельскохозяйственного производства и управления, человека, влюблённого в природу, безмерно преданного ей, с неиссякаемой энергией выполняющего порученное ему дело. Но в беседе со мной Юрий Алексеевич сказал: «Обо мне напишете, когда выйдёте на пенсию. Пишите о парке и его людях».

Я подумал и согласился. Ибо всё равно все дела и события в этом необычном учреждении начинаются с директора. Впрочем, читая этот материал, вы и сами в этом убедитесь.

Лес

Этот очерк посвящён одному из главных богатств парка, его боли и надежде — лесу. Природа не обделила Переславль лесами. В настоящее время парку передано и находится в его ведении 900 га лесных угодий, окаймляющих береговую линию Плещеева озера. Это берёзовые рощи, сосновые боры, осинник, ельник и смешанный лес. Он богат грибами,

**Бойков, В. Парк и его люди / В. Бойков // Коммунар. — 1995. — 11 августа; 15 сентября; 28 ноября; 26 декабря. — С. 2; 6; 3; 3.*

земляничкой, черничкой, малиной, брусничкой. Поэтому летом он предмет вожделения тысяч грибников, ягольников, организованных и одиночных туристов.

От организаций, которые прежде хозяйничали в этом лесу, парк получил его захламлившимся, с упавшими и гниющими деревьями, валежником, с большим количеством сухостоя. Повсюду, особенно вдоль дороги Переславль—Нагорье у берега озера «залежи» мусора. Водители проезжающих машин и беззаботные туристы не обременяют себя излишней аккуратностью. Орудовали в лесу и самовольные порубщики. Перед начальником лесного отдела или, по штатному расписанию — главным лесничим Иваном Ильичом Королёвым, принявшим эти угодыя, перво-наперво встали задачи организации охраны леса, ухода за ним и восстановления его. Есть в этом человеке среднего роста, плотного телосложения, по характеру очень спокойного, уравновешенного, нечто от самого леса, в котором он провёл большую часть своей жизни.

Родился он в лесной смоленской деревушке Песочное. С детства полюбил лес, проникся его величавым спокойствием, привык к его тишине и неторопливому росту. Начал работать юный Королёв в 1964 году у известного лесоведа Сергея Фёдоровича Харитонов, который в то время закладывал Переславский дендрологический сад, получивший впоследствии мировую известность.

Иван Ильич Королёв был всего-навсего рабочим, участвовал в посадке яблоневого сада, плантации черноплодной рябины, озеленении склона Горицкого холма за западной окраиной Переславля. Но ведь работал под руководством самого Харитонova! Иван Ильич многому научился у своего наставника. Тогда и решил навсегда связать с лесом свою жизнь.

Вместе со своей помощницей Зоей Ивановной Вепринцевой, выпускницей Брянского лесотехнического института, Иван Ильич занимается лесоустройством — инвентаризацией лесов, установкой геодезических знаков, планирует рубки ухода, определяет места отдыха для туристов, организует материальное обеспечение их. Весь лес парка разбит на четыре участка. На каждом участке свой лесник или, как он называется по штату, лесной инспектор. Вот эти инспектора и охраняют лес, ухаживают за ним, очищают от хлама, берегут от огня и посадкой новых саженцев восстанавливают его.

В один из июньских дней мы с Иваном Ильичом поехали на участок лесного инспектора Александра Николаевича Серова, расположенный на берегу озера в районе так называемой «Экологии» — базы экологической станции контроля окружающей среды. Лес здесь смешанный — берёзы, сосны, ели, осины. Мы шли на звук работающей бензопилы. На пути встречались штабеля аккуратно сложенных брёвен. Это вырезанный в результате санитарной рубки сухостой. Встречались кучи собранного валежника — сухих веток. Чувствовалось, что за этим лесом ухаживают. Идти по нему было легко, приятно.

На просеке нам встретился один из лесников — Владимир Иванович Кузнецов с бревном на плече.

— Всё вручную? — спросил я его после взаимных приветствий.

— Да, кроме бензопилы, у нас главные орудия — топор да лопата. Вот и таскаем сами спиленные деревья. Обещали трактор, да когда он будет!

От себя скажу, что трактор в парке уже есть, но до лесников в то время, когда я с ним разговаривал, он ещё не дошёл.

Вскоре появились другие лесники — отец и сын Серовы — Александр Николаевич и Саша. Одному человеку с рубкой ухода не справиться. Поэтому лесники объединяются и ведут рубки по очереди на каждом участке.

Присели в тени большой сосны. Кузнецов и старший Серов закурили. Вокруг головы каждого из нас вилось облачко комаров. Кузнецов и Серов не обращали на них внимания. Привыкли. У Саши на голове была шляпа с чёрной сеточкой, закрывающей лицо и шею. Комарам доступны были только руки.

Передо мной сидели разные люди. Юный Саша, только что окончивший школу, быстрый, живой, энергичный Владимир Иванович, спокойный, почти флегматичный Александр Николаевич. Если Саша только приобщался к труду, то остальные лесники прошли уже жизненную школу, потрудившись на разных работах. Теперь их к себе позвал лес. И несмотря на известные трудности, они преданы своему делу и добросовестно, с увлечением выполняют свои обязанности. Вот только...

Разговор зашёл о самовольных порубщиках. Жестикуюлируя, Кузнецов говорил:

— Что за люди?! Нужен лес — приди ко мне, я укажу что, где спилить. и забирай спокойно. Нет, потихоньку, украдкой, чтобы никто не видел, пилят и рубят там, где нельзя.

Да, одна из забот Ивана Ильича и его подопечных — борьба с самовольщиками. И задерживали уже не раз нарушителей, и штрафовали. Правда, это возымело действие. Вот, к примеру, в феврале этого года инспектор Новожилов на своём участке обнаружил 11 срубленных деревьев. Строительной организации «Гея» эти деревья помешали при проведении работ. Недолго думая, под топор их. А тут инспектор. Составил протокол, и организацию оштрафовали на 36 тысяч рублей. А уже в июне — я этому свидетель — в дирекцию парка пришёл представитель «Геи» с просьбой разрешить срубить несколько деревьев. Урок пошёл впрок. Только вот всем ли?

Ещё одна забота — лесные пожары. Это страшный бич парка. Возникают пожары из-за беспечности, безответственности, а иногда и по глупости людей. Брошенная в сухую траву непогашенная папироса, незалитый водой костёр, желание сжечь сухую траву. В 1993 году было три лесных пожара. В 1995 году выгорело три гектара. Некоторым рыбакам, видите ли, помешала сухая трава. Взяли и подожгли, а не подумали, что в траве молоденькие зелёные ёлочки, те самые, про которые детишки песенку поют: «В лесу родилась ёлочка». И вот не успела она укорениться, развернуть свои зелёные веточки, вытянуться навстречу солнцу, как её опалил жестокий огонь. Ивана Ильича чуть инфаркт не хватил, когда увидел пепелище. Думают ли такие люди о том, что творят? А чем тушить лесной пожар? Никакой техники у лесников нет, та же лопата-матушка.

В большой обиде лесники на туристов, приезжающих на автомашинах. Для привалов в месте, где Вёкса вытекает из озера, на обоих берегах ещё в мае были оборудованы две гостиничные площадки. Поставлены столики с навесами от дождя, скамейки, завезены дрова, вырыты ямы-мусоросборники.

— Вы побывайте там, посмотрите, — говорит Александр Николаевич, — что от всего осталось и в каком виде сейчас. Приезжают наглые, насмешливые, пьяные, творят, что хотят. Попробуй подойди к ним, чтобы усовестить. Враз на кулак наткнёшься, а то и оружием пугнут.

Мы поехали к истоку Вёксы. Чудесное место. Высокое голубое небо с белыми клубами облаков отражается в озере. Неширокая полоса бегущей реки искрится на солнце. Приветливые поляны на обоих берегах реки с удобными спусками к воде. А кругом лес, густой, зелёный. Через реку бревенчатый мост — творение рук Ивана Ильича, Кузнецова и Серова. Приезжай, отдыхай, загорай, наслаждайся природой!

И приезжают. По периметру площадок натканы автомашины. В центре поломанные, раздробленные скамейки, обгорелые остовы столиков, ободранные крыши. Чёрные круги от кострищ. На зелёной траве хлам, который обычно остаётся после выпивок-закусок: газетные и полиэтиленовые кульки, банки из-под пива и соков, водочные и винные бутылки.

Видно, что эти «гости» исповедуют принцип: приехал, использовал, наследил. До чего же обидно сознавать хозяевам, что труды их, старания принять гостей переславской земли идут прахом. Зачем же на добро отвечать злом? Да и восстановление того, что сгублено такими варварами, стоит больших денег, а у парка финансы не в бездонной бочке.

Возникает проблема контроля так называемых гостиничных площадок. Одним лесникам её не решить. Надо думать, что делать...

Вокруг национального парка, согласно федеральному закону, создаётся охранная зона с ограниченным режимом природопользования. Это ещё 23 тысячи гектаров лесных угодий. Лес этот до предела засорён валежником, упавшими и гниющими деревьями, сухостоем.

Главное. В двух местах — севернее ручья Куротень и южнее Переславля на дороге к карьере стихийно образовались огромные свалки мусора, преимущественно производственного характера. Эти свалки не просто обезображивают лес, они наносят большой вред его животному миру. Недавно у свалки близ Куротеня я наткнулся на мёртвого ёжика. Бедняга, видимо, нанюхался или хлебнул какой-то химической дряни, которая в изобилии валяется в траве.

Что же думают хозяева этих участков леса: Межколхозлес, ГЛОХ и лесхоз? Как и когда они наведут порядок на своей территории? Негоже посетителям национального парка, да и окрестным жителям видеть те безобразия, что творятся в охранной зоне.

Национальный парк должен быть истинно парком, в котором хорошо было бы и растениям, и животным, и птицам, и людям. Таким его видят сотрудники национального парка в будущем, ради этого не жалеют сил. Таким он обязательно будет. Если мы все захотим этого.

Озеро

Во тьме черно, с зарёю ало,
Вблизи подвижно, а вдали —
Яйцом серебряным лежало
В уютном гнёздышке земли.

Так написал поэт Иван Комолов о нашем озере Плещееве, этой жемчужине Средней Руси, главной достопримечательности национального парка. А сколько ещё замечательных публикаций, и художественных, и научных, посвящено ему. И оно, это озеро, достойно того — благодаря своей красоте, уникальности и истории.

Каждый водоём, возникший в отдалённые времена, стареет и может превратиться в болото. Процесс этот очень длительный, но имеет конец. Грозит это и Плещееву озеру. И чем больше химизируется сельское хозяйство, развивается промышленность, растёт численность населения, тем больше загрязняется озеро, ложатся на дно минеральные и органические осадки, и как следствие озеро зарастает травой, мелеет, в нём меняется количественный и видовой состав рыбы.

В связи с этим проблем с озером у национального парка предостаточно. Занимается ими служба охраны и эксплуатации водных ресурсов парка. В её составе начальник службы, два инспектора и ихтиолог. Штат, как видите, небольшой. Но озеро — любовь всех работников парка, и его состояние — забота всех. Большую помощь оказывает парку наука: Институт биологии внутренних вод Российской Академии наук, кафедра зоологии Ярославского государственного университета, Ярославский педагогический институт и в последнее время особенно активно — Всероссийский научно-исследовательский институт ирригационного рыбоводства, ведущие на озере комплексные исследования. Они выдают научные рекомендации, в соответствии с которыми сотрудники парка строят свою работу.

Так кто же стоит во главе службы, кто, если так можно выразиться, главный попечитель озера? Около года назад в национальном парке появился худощавый, быстрый в движениях, с острым взглядом живых глаз, усами и бородкой клином на смуглом лице человек — Николай Фёдорович Курицын. Он и возглавил эту службу. Несмотря на свои пятьдесят с небольшим лет, он выглядит молодо. В том, что у него складная, подтянутая фигура сказалось, видимо, преподавание физкультуры в школах в молодости и служба в милиции, где он прошёл путь от рядового милиционера до подполковника — начальника отдела вневедомственной охраны. В отставку ушёл в 1994 году. Работа в милиции дала ему большой опыт обращения с людьми, умение требовать и добиваться выполнения поставленной задачи.

В национальном парке ему приходится заниматься не только охраной озера, а и целым комплексом вопросов, связанных с предложениями учёных в части очистки озера от травы, лова рыбы и её искусственного разведения, что требует специальных знаний и навыков. Богатый жизненный опыт позволяет Николаю Фёдоровичу успешно справляться с работой.

Рабочий день одного из героев этого очерка начинается... с аквариума. Он стоит в кабинете Центра экологического просвещения. Сюда по утрам приходит небольшого роста, с виду тихий человек. Он кормит рыбок, меняет воду. Это ихтиолог парка Сергей Евгеньевич Лизунов.

Он коренной переславец, и биография его складывалась так, как у многих переславских мальчишек. Школа, работа на «Славиче» слесарем, потом мастером по ремонту оборудования, армия, снова работа на «Славиче», но уже на очистных сооружениях старшим мастером по эксплуатации оборудования.

Тут и случился поворот в жизни. Когда на работе возникла необходимость выращивать рыб в биологических прудах, чтобы доказать высокую степень очистки воды, он с увлечением взялся за эту работу. В пруды были запущены личинки карпа. Мальки успешно

росли и превращались в товарную рыбу. Но организовать её производство на промышленной основе не удалось. Санэпидстанция нашла у карпов отклонения от стандарта. Лизунов за это время окончил Киевскую школу рыбоводства, так сказать, подковался теоретически. Год работал на подсобном хозяйстве «Славича» рыбоводом. Затем на той же должности — во Всероссийском научно-исследовательском институте ирригационного рыбоводства (ВНИИР). С апреля 1994 года стал ихтиологом национального парка.

Есть ещё один человек, не входящий в штат парка, но отдающий много сил и энергии озеру. Это директор ВНИИР Николай Петрович Новоженин, который со своими сотрудниками в тесном взаимодействии со службой парка ведёт научные исследования на озере.

Разговаривая как-то с Николаем Петровичем, я заметил:

— Фамилия у вас больно переславская, Новожениных здесь много.

— А я и есть коренной переславец, — рассмеялся он. — И родился здесь, и окончил школу, потом уехал в Москву и поступил на ихтиологический факультет Московского института рыбной промышленности и хозяйства, который вскоре перевели в Калининград. Работать остался в Калининграде в Атлантическом научно-исследовательском институте рыбного хозяйства в лаборатории средней и южной Атлантики.

Слушая Николая Петровича, я невольно завидовал ему. В его биографии сбывались мои детские мечты о дальних морских рейсах. На научно-исследовательских судах он побывал в Атлантическом океане, плавал у берегов Африки. Но, кроме романтики, было в его жизни много трудной, очень прозаической работы. А в итоге пройден путь от младшего научного сотрудника до директора института.

Теперь, когда я представил некоторых действующих на озере лиц, попробуем разобраться в тех проблемах, которые они решают.

Итак, о проблемах. Прежде всего — это нестабильность уровня озера, его обмеление и зарастание водной растительностью, что сказывается на воспроизводстве рыбы. Причины известны, наверное, каждому переславскому школьнику. Мало, что озеро грязнится всякими отходами и стоками. Из него ещё «сосут» воду для удовлетворения потребностей населения города и промышленности.

По инициативе национального парка в марте 1995 года комиссия из авторитетных учёных обсудила водохозяйственные проблемы Плещеева.

Предложения комиссии (в основном, по контролю за водозабором) рассматривались 7 апреля сего года у главы городской администрации. Тогда же решено было создать постоянно действующий Координационный совет из представителей организаций, которые кровно заинтересованы, чтобы озеро жило и процветало. Без совета не будет приниматься ни одно решение по озеру. К сведению переславцев, при Координационном совете формируется общественный фонд охраны окружающей среды за счёт средств населения, добровольных взносов и пожертвований общественных объединений. Средства поступают на счёт парка и расходуются по решению совета на охрану окружающей среды.

Что же делается сейчас для благополучия озера? Вот только одно мероприятие из плана по проведению мелиоративных и биотехнических работ на озере в 1995 году — подготовить в дельтах речек Язевка, Куротень, Кухмарка заводи для нереста карповых рыб, щуки и удалить излишнюю растительность на тоневах участках озера.

Оказывается, весной, когда начинается ледоход, льдины ломаются и опускаются на дно, ветер гонит их к берегу. При движении они поднимают грунт и перемещают его перед собой. Происходит это каждый год, и в результате на некотором удалении от уреза воды образуется песчаный вал. Рыбе, чтобы попасть в устье речки, нужно по мелководью перевалить через вал. Помочь ей можно — проложив через вал рыбоходный канал, а само устье расчистить, образовав заводь.

Эта работа согласно договору выполняется муниципальным предприятием жилищно-коммунального хозяйства. Планировали начать её в июне-июле, но встретились со многими сложностями. Ведь такая работа проводится впервые. Опыта нет. Техника громоздкая, тяжёлая. Нужно исследовать грунт у устья, выдержит ли такую тяжесть. Словом, забот и хлопот масса.

Другая проблема — интенсивный рост водной растительности. Объясняют это тем, что долгое время не было промыслового лова. Тогда часть травы на тонях убиралась неводом. Кроме того, рыбаки косили её косами. Сейчас густая трава высотой свыше метра растёт

не только на мелководье, но покрывает дно на больших глубинах. А механических орудий уборки травы нет. Сейчас идёт экспериментальный поиск средств, с помощью которых можно чистить озеро. Занимаются этим сотрудники ВНИИР, Лизунов и рыбаки. Пытаются сконструировать что-то вроде водной косилки. Неплохо было бы, чтоб в это дело включились любители-рационализаторы. Очень, очень нужны дельные предложения.

Одно из направлений работы института и парка — искусственное воспроизводство рыбы, то есть создание искусственных нерестилищ и рыбоводных хозяйств. Одно из таких нерестилищ — в устье Трубежа. Сюда мы с Лизуновым и подошли.

— Видите, — говорит Сергей Евгеньевич, — вот тут, слева и справа от входа в Трубеж, весной были забиты столбы и между ними натянута проволока, на которую навешены пучки еловых веток (лапника). Встретив на своём пути эту преграду, самки леща вымётывают икру, а самцы её оплодотворяют. Икра, а затем вылупившиеся из неё личинки, находятся между еловыми иголками в течение пяти дней в полной безопасности, ибо ни одна рыба не сунется в эти колючки.

Какова же эффективность такого типа нерестилищ? По подсчётам Лизунова, на лапник было отложено 80—100 миллионов икринок. Из них 10—15 процентов оказались неоплодотворёнными и погибли. А из оставшихся образовались личинки, которые должны были превратиться в мальков. Все ли они стали мальками, трудно сказать. Этот процесс имеющимися средствами проконтролировать невозможно. Но одно неоспоримо — стадо леща и в прошлом и в этом году получило солидное пополнение.

Лещ из тех рыб, которые любят нереститься там, где сами родились. Важно, считает Лизунов, изучить пути, по которым лещ идёт к родным местам и, поставив на этих путях искусственные нерестилища, приучить его откладывать икру только на них. Исходя из опыта двух лет, Сергей Евгеньевич планирует на следующий год несколько изменить местоположение искусственных нерестилищ, чтобы перехватить ими наибольшее количество леща, идущего в Трубеж.

Сотрудники института часто выезжают на озеро для проведения исследований. Однажды и я поехал с ними. В выдавший виды «Москвич» сели Николай Петрович Новожегин, ихтиолог института Елена Ивановна Шишанова, Николай Фёдорович Курицын и я. Поехали к Никитскому монастырю, миновали здание насосной станции «Славича». Перед кухмарским лесом свернули влево на заросшую травой полевою дорогу, которая привела нас к обросшему кустами устью реки Кухмарки.

Здесь нас встретили два рыбака — Сергей Борисович Разуваев — крепыш-блондин, с рыжеватыми усами на круглом, загоревшем до красноты лице, и Владимир Евгеньевич Фадеев — слегка сутулый, видимо, немало уже поживший на свете мужчина.

Разуваев — работник национального парка. В своё время он был мастером по добыче рыбы в Мурманске и на Сахалине. Фадеев, коренной переславец и потомственный рыбак, помогает ему. Вместе они обеспечивают выполнение научными работниками ВНИИР опытов на озере. Вот и сейчас установили метрах в пятистах от берега два вентера и от каждого развели в стороны по две сети — вроде крыльев.

В устье реки стояла железная моторная лодка. В неё сели рыбаки, Елена Ивановна и я. Устье шириной около трёх, протяжённостью — до пятидесяти метров, глубина чуть более полуметра. При выходе в озеро пришлось поднять нижнюю часть мотора с винтом, чтобы преодолеть мелководье перед устьем. Вот он, песчаный вал, о котором говорил Лизунов.

Глубина возросла, и Разуваев завёл мотор. Лодка помчалась, оставляя за собой пенистый след. День солнечный, тепло, безветренно. Но при движении встречный поток воздуха холодит тело. Мы, мужчины, в рубашках, куртках, а Елена Ивановна, хрупкая молодая женщина, в одной майке. Говорю ей:

— Не холодно?

— Что вы! Я привычная. Ведь я северянка. Из района Кандалакши. Знаете такой город?

— Знаю, бывал на военных учениях в том районе.

— Видели, какие озёра там? Вот это озёра, — вздыхает она.

Подошли к краю сети. Мотор выключен. Фадеев, стоя на носу лодки, концом весла поднимает сеть за верхнюю кромку.

Сеть состоит из кусков с ячейками различных размеров. Разуваев вынимает из ячеек рыбу. Называет её вид, номер отрезка сети и размер ячеек. Елена Ивановна все эти данные записывает в журнал.

Подшли к первому вентеру. Сквозь мутную от обилия мельчайших частиц цветущих водорослей воду просматриваются контуры вентера — мешкообразной сети, натянутой на ряд обручей. Вентер пуст. Ни одна рыбёшка не заплывала. Пустым оказался и второй вентер. Что ж, это опыт. Либо вентер неправильно поставили, либо эта снасть для условий озера не подходит.

Всего мы из сетей выбрали около четырёх килограммов рыбы. Главным образом плотва и густера длиной 15—20 сантиметров. Попалось несколько язей и окунь. Елену Ивановну эти данные не удовлетворили. Чтобы набрать необходимую статистику, она решила обследовать эти сети ночью.

Пока пойманную рыбу сортировали, взвешивали, приходовали, мы загорали на солнышке и вели неспешный разговор. Я попросил Николая Петровича рассказать о рыбных запасах озера и возможных размерах вылова различных видов рыб, ибо знал, что институт провёл большую работу в этом направлении.

— Рыбы в озере много, — говорит Николай Петрович. — Мы считаем, что рыбный запас озера составляет до 500 тонн. Из этого количества без ущерба для воспроизводства можно ежегодно вылавливать около 30 процентов, или 150—160 тонн. Ловят сейчас значительно меньше, в основном любители и браконьеры. Промысловый лов долго отсутствовал. Сейчас только налаживается.

— А по видам рыб сколько можно ловить в год?

— Как я уже говорил вам, самые ценные промысловые рыбы в озере — ряпушка и лещ. Ряпушки можно вылавливать 4—6 тонн, лещ — 2—3. Из менее ценных:

густеры —	3—5,
плотвы —	20—25,
хищных рыб (щуки, налима, окуня) —	10—12,
прочих рыб —	10—12 тонн.

Что касается уклей, то для озера она почти сорная рыба, так как является основным кормовым конкурентом ряпушки.

Но, к сожалению, рыбаки стремятся к лову более крупных рыб, хотя уклей можно и нужно вылавливать до 80—100 тонн в год. Очевидно, нужно создавать условия для её более эффективного промыслового лова. Она вкусна и на рынке будет пользоваться большим спросом.

...Проблем много. Поэтому назрела необходимость создания при Национальном парке рыбохозяйственной лимнологической, то есть озёрной, станции. Она могла бы координировать все научные исследования и помогать парку решать многообразные задачи, связанные с озером. За создание такой станции активно ратуют Юрий Алексеевич Чаплин и Николай Петрович Новоженин. Их поддерживают все научные организации, которые имеют дело с озером.